

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Кириллина С. А. «Очарованные странники»: арабо-османский мир глазами российских паломников XVI–XVIII столетий. М.: Изд-во ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова; Ключ-С, 2010. 564 с.

*Есть ли в мире другая земля,
где бы сочетались столько дорогих
для человеческого сердца воспоминаний?..*

И. А. Бунин

Святая Земля веками влекла к себе паломников, служа главным перекрестком межкультурных контактов приверженцев великих религий, к чьим истокам и святыням и сегодня можно прикоснуться в Палестине, Сирии, Египте.

Интерес к этим местам в России всегда был высок. Более тысячелетия из ее городов и весей устремлялись в Святую Землю толпы богомольцев из христиан, мусульман и приверженцев Торы. Поток этот по сути никогда не прерывался, возрастая или убывая в зависимости от событий в этом «срединном» крае, далеко не всегда вызванных сугубо духовными мотивами.

На протяжении четырех столетий Святая Земля входила в состав Османской империи, выступая предметом раздора для ее набиравших силу соперников и одним из главных аспектов «восточной политики» Нового времени. И с распадом империи Османов в начале XX в. судьба проживавших там народов и их святынь осталась в фокусе внимания политиков, ученых, поэтов и художников, при этом интерес к свидетелям прошлого не только никогда не спадал, но принимал все новые масштабы.

Книга профессора ИСАА МГУ С. А. Кириллиной «Очарованные странники: арабо-османский мир глазами российских палом-

ников XVI–XVIII столетий» — долгожданный плод многолетней работы известного отечественного востоковеда, признанного специалиста по истории и культуре Ближнего Востока. Примечательно, что первые экземпляры этого капитального фолианта, щедро дарованные автором коллегам в Санкт-Петербургском университете, стали ярким вкладом С. А. Кириллиной в работу научной конференции «Православие и другие христианские церкви на Востоке», проводившейся Восточным факультетом СПбГУ при содействии Санкт-Петербургской Православной Духовной Академии в преддверии 2010 г.

Пожалуй, как никто другой профессор С. А. Кириллина была подготовлена всей своей творческой биографией, годами экспедиций по древней земле Малой и Передней Азии к осмыслению великого письменного наследия, оставленного нам поколениями российских паломников, шедших и плывших за тысячи верст от родины с единой целью поклониться пред «святых мест», описать «все, еже видех очима своима...».

Основой уникального исследования С. А. Кириллиной стал впечатляющий по объему и разнообразию массив первоисточников — архивных документов, летописей, путевых записок, мемуаров религиозных и политических деятелей, свидетельств дипломатов, купцов и ученых. Круг научной литературы, привлеченной автором, охватывает около трехсот работ ведущих российских и зарубежных исследователей, давно признанных классиками либо делающих пока первые шаги в изучении культуры народов Ближнего Востока, истории российско-арабских отношений.

Структура книги целиком отвечает поставленным автором научным задачам. Поистине фундаментальный, и не только по объему (более 35 п. л.), труд открывается обстоятельным Предисловием, в котором ученый раскрывает перед читателем поставленные творческие цели: «Паломник из России и арабо-османский мир в его многогранных проявлениях — так можно определить главную идею этой книги...». Автор исходит из того, что несмотря на солидную литературу, посвященную запискам русских богомольцев, многие информационные пласты «Хождений» остались пока не освоенными...

Диапазон подходов к «Хождениям», отмечает С. А. Кириллина, расширяется сегодня «за счет вовлечения в исследовательское поле источников, разнесенных во времени, их рассмотрения в долгосрочной ретроспективе, а также «применения постмодернистских методов осмысления исторической реальности как таковой и ее репрезентации в исторических памятниках...».

Выбор «хронологических рубежей» работы, по признанию С. А. Кириллиной, был обусловлен не только ее собственными «научными пристрастиями», но и обстоятельствами вполне объективными. Это выбор историка, «долгое время профессионально занимающегося османским прошлым Арабского Востока», увлеченного «перспективной уяснения того, каким виделся арабо-османский мир паломникам из России» от начала формирования его в XVI в. до XVIII в., который автор называет «квинтэссенцией средневекового развития османской державы»...

Путевым запискам русских паломников этого периода была особенно присуща «высокая эмоциональная энергетика, открытость окружающему миру, который очаровывает их многоцветьем красок и поражает многообразием и разноплановостью жизненных ситуаций...» (с. 7–10).

Первая из восьми глав монографии — «Герои и судьбы» (с. 11–56) — дает общую картину развития паломнического движения из России в XVI–XVIII вв., напоминая читателю о наиболее ярких его героях, среди которых Василий Позняков, Трифон Коробейников, Василий Гагара, Иона Маленький, Арсений Суханов, Василий Полозов, Иоанн



Лукьянов, Андрей Игнатъев, Ипполит Вишенский, Варам Леницкий, Матвей Гаврилов Нечаев, Василий Григорович-Барский, Серапион Множинский-Каяков, Игнатий, Леонтий, Мелетий и другие богомольцы и «пешеходцы» — знакомые и анонимные, «великороссы» и «малороссы» — русские православные паломники, объединенные «основополагающей религиозной целью» своего путешествия — «святой град Иерусалим повидать, и местам в нем святым, плотию и кровию Христовою освященным поклониться...» (с. 56).

«Паломничества», «Хождения» XVI–XVIII столетий, открывает С. А. Кириллина свое исследование, «сохранили статус массового популярного чтения религиозно-назидательного и познавательного содержания». Специфика и очевидные недостатки подобных источников — «наличие в них заимствований, порой дословных, из трудов предшественников, неравноценность их качественных параметров, требующие тщательной перепроверки сведения, особенно полученные не из первых рук, явные огрехи при подаче информации исторического плана, не заслуживающие доверия статистические данные

и т. п., были осознаны лишь позднее, да и то по преимуществу людьми науки...» (с. 13).

Во второй главе книги *«Тяготы пути»* (с. 57–116), автор пишет о превратностях великого духовного подвига русских православных богомольцев, ступивших на путь, «преображающий человека, очищающий его от греховности и выводящий на более высокий уровень духовности...» (с. 57).

«Непростые условия путешествия — серьезные физические нагрузки, многодневные переходы, смена климатических поясов, антисанитария, обезвоживание и недоедание, проблемы с питьевой водой, необходимость адаптации к непривычной пище» (с. 83), многочисленные стрессовые ситуации, нередко вымогательство и открытый грабёж, усугублявшиеся немалыми текущими заботами — финансовыми, бюрократическими и просто бытовыми, языковые и этические барьеры — ничто не могло остановить «поклонника», устремленного к великой цели. О «многотрудности» этого пути писали все без исключения авторы *«Хождений»*, призывая при этом «отбросить всякие сомнения».

Бесспорно, подчеркивает С. А. Кириллина, богомольцев влекло в неведомые дали не только сердце, неугасающее горячей любовью к Богу, к местам, прославленным «Его Единородным Сыном», но и великая «Муза Дальних странствий...» (с. 116). Достигшему подчас «на последнем издыхании» своей цели богомольцу, преодолевшему все трудности очистительного пути, Святой Град и земли, его окружавшие, представлялись столь невыразимо прекрасными, что тягостные мысли о бедах, страхах и болезнях «вмиг его оставляли»...

«Мир третьего дня», природные явления, открывавшиеся взору православного пешеходца, описаны в третьей главе книги (с. 117–150).

В сознании паломника образ Святой Земли открывался в разных измерениях: мирском, реальном, буднично-прозаическом и легендарно-библейском — «с присущим ему мифологическим и религиозным символизмом...». Природа в восприятии верующего — априорно часть божественного мироздания. С неподдельным восторгом и «почти детской непосредственностью богомольцы

всматривались в многообразии природного мира — флоры и фауны, рельефа и климата.

Принимая «зримый образ Святой Земли» и приводя ценные данные о географии и природных дарах посещаемых мест, «русские паломники исключительно много пишут о воде, которая <...> становится для них своего рода необоримой манией, навязанием... Единодушно восхищаются они водой реки Иордан, где Спаситель принял крещение, «неизгладимое впечатление» производит на них и Мертвое море, «связанное с ветхозаветным прошлым, прежде всего с истреблением греховных городов — Содомы и Гоморры...» (с. 137–141).

Все богатство природы Восточного Средиземноморья, как оно рисуется в *«Хождениях»*, «прекрасно вписывается в образ Святой Земли как земного воплощения рая, благословенного Создателем...». Следы этого «земного рая» авторы *«Хождений»* обнаруживают и «за пределами Палестины», в местах, где укоренилось православие — у Афонской горы, Синайской обители и т. д. (с. 146–149).

Четвертая глава, *«Мир животных»* (с. 151–190), не менее ярко и разносторонне дополняет наши представления о взгляде старинных русских богомольцев на природу святых мест. «Звери и птицы, — пишет автор, — порой выступают как своеобразные участники священной истории», благодаря тому, что, будучи не раз упомянутыми в «святых книгах», они давно «обжили» «сакральное пространство» Ближнего Востока... (с. 153).

Фауна османских земель представлена в *«Хождениях»* XVI–XVIII вв. во всем ее «поразительном многообразии». Описание ездовых и вьючных животных, верблюда — «едва ли не самого универсального представителя фауны» региона, диких хищников — льва и барса (пардуса), всевозможных «гадов ползучих», обезьян, попугаев, страусов и даже «вредоносного зверя» из вод «благословенного Нила» — крокодила, подчас занимает в записях паломников немалое место. В том, как представлен в *«Хождениях»* животный мир, «заложено много познавательного и поучительного, но главное — в нем есть место чуду, поскольку для авторов-богомольцев не подлежит сомнению то, что создан он повелением «Творца всяя твари»... (с. 189–190).

Пятая глава монографии, «*Миражи прошлого, образы настоящего, «достохвальные и недоумительные вещи»*» (с. 191–232), повествует об отношении православных пешеходцев к древним памятникам, к приметам и причудам местной жизни, которые встречались на их пути. Несмотря на то что любознательность как таковая «в принципе противоречит концепции паломничества в ее традиционном понимании», жажда новизны, пытливость во многом выступали «действенным стимулом для познания окружающего мира российскими странниками...». Между тем «любознательность как таковая, будучи *a priori* вторичной мотивацией дальних странствий богомольцев, со временем приобретала все более явственное значение», справедливо подчеркивает (с. 191–192).

«Приподнятостью и экзальтацией» отмечены первые впечатления богомольцев от Стамбула — столицы «Турецкого царства», по-прежнему воспринимавшегося ими как Царьград — великий город, «близкий всякому русскому православному сердцу».

В свою очередь Иерусалим при всей неповторимости «его духовной ауры», открывшая святые лики далекого прошлого, далеко не всегда отвращал «паломнический взор от приземленных материй...». Как ни парадоксально, пишет автор, «поток религиозно-коннотированных ощущений “сакрального” пространства» не всегда находит «надлежащего письменного выражения» в «Хождениях», часто наполненных, как, например, у Арсения Суханова или Ипполита Вишенского, описаниями и оценками дохристианских строений, пирамид, колонн, маяков, и даже «стратегических пунктов и укрепленных районов...» (с. 198–200).

Особую ценность рассматриваемому изданию придают сведения о традиционной пище, лечебных средствах, мощах и реликвиях, вызывавших почти «ажитажный спрос» паломников. В числе диковинок, которые они увозили на родину, были «кристаллы соли и кусочки естественного асфальта из Мертвого моря, а также редкие целебные растения и снадобья»... Одним из излюбленных занятий странников было «собираение наряды с камушками горсток земли с мест поклонения»... Так, богомольцы «буквально вгрыза-

лись в стены гробовой пещеры Лазаря, которая из года в год становилась все шире и шире...». «Привозимые с христианского Востока сувениры, будь то рекомендательные письма, «свидетельствованные грамоты с печатью», простенькие вещицы или драгоценные редкости, рукотворные или природные объекты, во все времена составляли неотъемлемую часть *меморалии* — «достопамятных вещей», активизирующих «воспоминания об инаковом мире, который им довелось увидеть собственными глазами...» (с. 228–232).

Еще одно блестящее, глубокое авторское исследование включено в шестую главу монографии «*Мир людей: “свои” — “другие” — “чужие”*» (с. 233–342), в которой раскрывается взгляд русских паломников на «этнокультурное лицо» османского общества XVI–XVIII вв. и его отдельные черты, представленные народами империи: турками, арабами, греками, армянами и т. д.

В своей характеристике населения «Турецкого царства» русские богомольцы исходили прежде всего из классической дихотомии «верные — неверные», правда, при существенной оговорке: «верные» — это «Христиане православной Греческой веры», а «неверные» — все остальные — «Магометане и Жиды, Еретики, Римляне, Армяне и прочие...». «Своим» в глазах русских богомольцев противостояли «полчища врагов», среди которых безусловно доминировали последователи «турския веры»... При этом образ мусульман порой «до неузнаваемости искажался “кривым зеркалом” христианоцентризма», что, в частности, выражалось «в экспрессивной лексике, которая использовалась для определения их моральных качеств...» (с. 245–247).

В то же время, сталкиваясь с «турецким народом в повседневной жизни», некоторые авторы-паломники позитивно отзывались о тех или иных его представителях, о проявленных к ним сочувствии и человеколюбию (с. 254).

Наряду с дихотомией «арабы-мусульмане — арабы-христиане» автор выделяет в «Хождениях» и «членение» арабов на жителей Города и обитателей Пустыни — «дичь кочевую». Весьма путаными выглядят в этих источниках и данные «относительно деле-

ния негородского населения на земледельцев и кочевников». Контакт русских паломников с православными арабами Святой Земли был затруднен «из-за языкового барьера», поскольку они в абсолютном большинстве не знали «иного языка, кроме Арапского...», что, впрочем, не мешало русским богомольцам «оценить их участливость и дружелюбие» (с. 259–265).

«Русичи» составляли значительную часть обретающихся в султанских владениях невольников. Это были «пленные из разряда военных и мирного населения, захваченные турками во время военных действий <...> Русскими невольниками активно торговали крымские татары, поставлявшие их в различные города европейской и азиатской Турции...». Записанные паломниками истории военнопленных добавляют новые яркие драматические штрихи к теме «Русские в Османской империи», которая в последнее время привлекает все большее внимание отечественных историков, «стремящихся уяснить истоки взаимного отчуждения и реконструировать народные представления и суждения о соседях...» (с. 277–281).

Материалы раздела «Свои — Другие — Чужие» автор дополняет далее свидетельствами паломников о жизни старообрядцев в турецких владениях, инославных христианских церквях и общинах, о местных католиках, протестантах и униатах, коптах, абиссинцах, армянах и иудеях... (с. 281–325).

«Культуре повседневности» в арабо-османском обществе рассматриваемого периода посвящена седьмая глава книги (с. 343–406). «Пребывая в инокультурной и иноязычной среде, писатели-паломники явственно ощущали различия между принимающим обществом и отечеством...». Ценность «Хождений» при этом определяется содержащимся в них весьма представительным массивом данных о социокультурных и экономических «измерениях» ближневосточного образа жизни, об обычаях гостеприимства в целом и их неотъемлемых составляющих — «культуре питания и гастрономических привычках в частности» арабо-османского общества XVI–XVIII вв. Свидетельства русских паломников того времени содержат материал, дающий «определенное представление

о кулинарных культурах ближневосточного региона» и позволяющий «достаточно детально реконструировать режим и особенности питания» как самих богомольцев, так и в известной мере местных жителей. По вполне понятным причинам авторы «Хождений» при этом «не вдавались в тонкости поварского искусства и региональных кухонь с их спецификой, не приводили подробную рецептуру блюд, и уж тем более их не интересовало метафорическое значение пищевых ингредиентов...» (с. 360–371).

Немало впечатлений в записках русских паломников связано с «любимыми народом празднествами», которые скрашивали «однообразие трудовых будней» подданных падишаха, в первую очередь свадебные торжества и шествия. Не обходят вниманием богомольцы и местных женщин, описывая их внешность, костюм, общественное положение. Некоторые авторы-паломники, попав в Переднюю Азию, предпочитали при этом оставаться «в глухой культурной изоляции», демонстрируя стойкое нежелание проникнуться «духом Востока». Другие же «пытливые и заинтересованные, перебарывая страх новизны, шаг за шагом осваивали инаковую реальность и стремились донести до читателя свое видение культуры повседневности арабо-османского мира...» (с. 406).

Завершающая, восьмая, глава монографии посвящена миру ислама (с. 407–466). «Магомедова вера» оставалась «на периферии паломнических интересов», а порой и просто игнорировалась ими. Тем более значимы, подчеркивает автор, те крупницы информации, которые помогают пролить свет на архетипы сознания путешественников в восприятии «Другого» и его верований... (с. 407).

По пути своего следования и по ходу повествования паломники называют «те или иные значимые мусульманские культовые здания» — дервишеские обители, каравансараи Турции, Сирии, Палестины и Египта. Сокрушаясь по поводу «вековых страданий рода христианского» от «томительства иноплеменных агарян», горюя о плачевной судьбе христианских святых под владычеством «недругов веры Христовой», паломники предаются мечтаниям об установлении «царства

христианского» и торжестве «веры единой благочестивой» в Константинополе и в Святой Земле, о восстановлении погранных «басурманами» прав православной церкви на святые места... (с. 459). Несомненно, что «стандартный набор формировавшихся столетиями этнокультурных стереотипов и мифологизированных представлений о реалиях восточного общества неизбежно тяготел над паломниками-россиянами, а вера, как и прежде, играла центральную роль в формировании представлений о чужой религии и исламском мире...».

Сочинения авторов «Хождений», формулирует С. А. Кириллина в заключение главный вывод своего труда, — это сложная «амальгама мифологизированных и отражающих реальность представлений о “Чужом”, когда традиционный экспрессивно-негативный христианоцентристский реф-

лекс на “Иное” соседствует со спонтанной оптимистической реакцией на многоликую культуру арабо-османского мира, задающей координаты будущего с ней диалога...» (с. 466–468).

Органичным дополнением, приложением к тексту монографии служит представительная подборка иллюстраций — видов Святой Земли, ее исторических и природных памятников, выполненных как известными художниками-графиками, так и самими русскими паломниками — «очарованными странниками» далекого, но столь близкого нам прошлого.

Книга С. А. Кириллиной — безусловно значительное явление в отечественной восточковедной науке, в современной историографии истории и культуры народов Ближнего Востока, их тысячелетних связей с Россией.

Н. Н. Дьяков